

Григорий Романов

Взяточник

Сдать или не сдать? Вот в чем вопрос!

16+

Григорий Васильевич Романов

Взяточник

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31735881
SelfPub; 2018*

Аннотация

Евгений Иванович Максимов, чиновник областной Администрации, попался на взятке. Следователь предлагает ему сдать начальство и получить свободу, в противном случае – тюрьма. На размышления дается двое суток в изоляторе временного содержания. Очевидное, по началу, решение постепенно становится не таким очевидным. Встречи в камере изолятора и собственные размышления ставят взяточника перед сложным выбором. О том, что решил Евгений Иванович и чем это закончилось для него самого, – в настоящем рассказе.

ВЗЯТОЧНИК

Сдать или не сдать? Вот в чем вопрос!

У. Шекспир, практически...

Оговорюсь сразу: брать взятки нехорошо. Коррупция разъедает общество, влечет инфляцию права и подрывает доверие граждан к институтам власти. И конечно же, соответствующей статьей, за это предусмотрена уголовная ответственность. Довольно строгая, к слову сказать. Но, кто вспоминает Уголовный Кодекс, пока его страницы не зашелестят перед носом, перечисляя грядущие кары?

Таков и наш герой, Евгений Иванович Максимов, чиновник среднего звена, подвизавшийся на ниве архитектуры, точнее, на ниве госрегулирования в этой сфере. Когда-то, он окончил архитектурно-строительный институт и мечтал о творческой профессии. Но жизнь, своими извилистыми и не всегда эстетичными тропами, привела его на госслужбу, в Комитет архитектуры и градостроительства В-кой области.

Здесь, незыблемые как гранит, красные линии, генпланы, трассы, коммуникации, зоны исторической застройки и рекреации, непрошибаемой стеной встают на пути одних застройщиков и чудесным образом раздвигаются перед другими.

По своей должности, а Евгений Иванович был начальником одного из отделов, он не был, что называется, на острие

атаки. Надо сказать, что по меркам своего ведомства, он вообще не был взяточником. Все серьезные дела решались без его участия, большие деньги похрустывали вдали от его ушей. Он не состоял в пуле избранных сотрудников, которых начальство изначально отряжало на темные дела. Нет, объективных противопоказаний к этому не было. Но там, где начинаются большие деньги, уже мало быть просто лояльным и компетентным. Здесь на первый план выходят более близкие отношения: родственники, кумовья, свояки... По этой же причине, должность начальника отдела была потолком его служебного роста, и Евгений Иванович об этом знал.

Тем не менее, кое-что прилипало и к его рукам. Зная о том, какие деньги крутятся в комитете, Евгений Иванович не считал то, что ему перепадало, взятками, а воспринимал, как своего рода премию, приятную надбавку к зарплате. Начальство о его левых заработках знало, но всегда закрывало на это глаза. Евгений Иванович, в свою очередь, знал о том, что они знают и их молчание воспринимал как должное. Сложившийся консенсус всех устраивал, своей карьерой Евгений Иванович был доволен.

Ему было сорок два года, он был привлекателен как мужчина, компетентен как специалист, да и человеком был неплохим. Был счастливо женат, имел дочь двенадцати лет, если кому это интересно. Евгений Иванович был не злым, с хорошим чувством юмора, помогавшим ему улыбнуться там, где стояло бы призадуматься, а то и приуныть. Был терпелив

и толерантен к людям и от судьбы, в свой адрес, ждал того же.

До поры, до времени, судьба действительно была к нему благосклонна, закрывая глаза на мелкие шалости. Но, видимо, в какой-то момент, толи чаша терпения переполнилась, толи ангел-хранитель задремал... но, случилось страшное: Евгений Иванович попался на взятке.

Но об этом чуть позже. А сейчас, к концу подходила суббота, был канун православной Пасхи. Супруга, Наталья, попросила Евгения Ивановича зайти в церковь и оставить там кулич, чтобы его освятили и назавтра он, освященный, попал к ним на праздничный стол.

Послушный муж купил в магазине кулич и отнес его в храм, расположенный практически у него во дворе. Поставив будущего короля застолья на широкую лавку, где уже стояли несколько таких же, Евгений Иванович направился на выход. Церковная атмосфера никогда не нравилась ему: от запаха ладана начинала болеть голова, а от заунывного чтения молитв как-то неприятно и тоскливо становилось на душе.

– Сын мой! Услышал он у себя за спиной властный голос священника. – Не хочешь исповедаться ради Светлого Воскресения Христова?

– Я? Евгений Иванович обернулся. В предпраздничный день желающих исповедаться было более чем достаточно. И сейчас они стояли в углу храма, ожидая своей очереди быть

услышанными и прощенными. Обращение пастыря лично к нему было в высшей мере странно.

На Евгения Ивановича смотрел батюшка лет пятидесяти. Высокий, худой, с довольно жидкой растительностью на лице и пронзительными черными глазами, смотревшими одновременно и строго, и насмешливо, но при этом без вызова. Отказать человеку с таким взглядом было очень сложно.

– Да что исповедаться, грешен, как и все.

– Святые, сын мой, все на небесах пребывают. А на земле все грешные. Про первородный грех слышал? Все мы его потомки.

– И что, богу интересно про мои грехи знать?

– Богу все интересно.

– Хотите рассказать ему про меня?

– Он без меня все знает.

– Тогда в чем смысл исповеди? Он наши души и так видит, как раскрытую книгу.

– Смысл исповеди? Точно не в том, чтобы что-то сообщить всевышнему.

– А в чем?

– В тебе. Что ты сам готов вынести на его суд. Что сам считаешь грехом, в чем готов раскаяться.

– Ну, не знаю, в чем каяться... Я, вот, женат второй раз. Он ведь этого не одобряет?

– Нет, не одобряет. А почему с первой супругой расстался?

– Не сошлись характерами.

– Храм, сын мой, не ЗАГС, здесь общие фразы неуместны.

– Женились по молодости, глупые были. Про семейную жизнь только общие представления имели. Страсти отшумели, быт съел.

– Страсти? В основе брака любовь лежит. Любовь была у вас?

– Теперь уже не уверен. Тогда не сомневался, а сейчас, думаю, не было любви настоящей.

– А что такое настоящая любовь, по-твоему?

– Влечение, симпатия...

– Ты, сын мой, о плотской стороне говоришь. А я про любовь. Любовь была?

– Не знаю. Наверное, была.

– А заешь ли ты, что бог есть любовь?

– Слышал что-то.

– Слышал что-то... Если ты любовь убил, ты сына божьего вторично распял. Помнишь, кто такой Понтий Пилат? Думаешь, простил его бог за распятого сына своего?

– Да я-то, какой Пилат? Сколько людей разводятся, и что ж, они все Христа распинают?

– Да, распинают. Каждый раз, когда благодать его отрицают, даром его бесценным пренебрегают, каждый раз повторно копьё ему в ребра вонзают. И что теперь первая жена, счастлива?

– Думаю, да. У нее семья, двое детей уже.

– А ты, ты счастлив теперь?

– Теперь да. Так что, бог, отпустит мне этот грех?

– Отпустит, он милостив. И сам, как и ты, разлюбить любого может. Еще хочешь в чем-то исповедаться?

– Не знаю. Я госслужащий, сами знаете, какой за нами грех.

– За каждым свой. Ты чем грессишь?

– Да все тем же... Все этим занимаются, система такая.

– Система? ...система. Она ведь, из таких как ты состоит.

Если каждый покается, то и система изменится.

– Каждый не покается. Но мне-то что делать, как поступить?

– Ты сам знаешь. Знаешь, как неправильно, вот так и не делай. И будет тогда все правильно и каяться будет не в чем.

– А как насчет отпущения?

– Отпустится. Не богом, так людьми. Только лучше, чтобы бог простил. Дешевле выйдет для тебя.

– Это вы от имени бога мне сейчас советуете?

– Это я от своего имени.

– Скажите, а правду говорят, что человек сам себе простит, то и бог простит ему?

– Да, это правда, только это не твоя правда. Это для тех справедливо, у кого бог в душе живет. Только эти люди и сами грешить не станут, разве что жизнь, каким-нибудь хитрым вывертом, не заставит их, поставив перед сложным выбором. А ты слаб пока. Бог к тебе в душу еще только загля-

дывает, иногда. На него уповай. Молись. Молитвы знаешь?

– Отче наш.

– Хорошо, читай почаще.

– А как правильно читать, по-современному или на церковнославянском?

– Ты знаешь церковнославянский?

– Нет.

– Вот и ответ на твой вопрос.

– А когда читать, по утрам, по вечерам?

– Молитва никогда лишней не будет. А ты читай более, когда на неправое дело решаться будешь. Может, смилостивиться господь и убережет от лукавого.

– А можно вас спросить, святой отец?

– Спрашивай.

– Почему среди смертных грехов не стоит предательство.

Что, разве это не грех?

– Сам как думаешь?

– Не знаю. Не могу понять.

– Когда ты грешишь, ты и есть предатель. Предаешь людей, жену, совесть свою. Все грехи смертные в основе своей предательство имеют.

– Святой отец!

– Что?

– А бог любит меня?

– Ты же пришел сюда. Значит любит. Конечно любит.

– Спасибо, святой отец. С Рождеством вас. Простите ме-

ня.

– Сегодня Пасха! Господь простит. Иди с богом.

Выйдя из храма, Евгений Иванович стал обдумывать сказанное: Странный какой-то поп, говорит, не пойми что. Интересно, он вообще, православной веры придерживается? В Пилаты меня записал, а даже не поинтересовался, венчались ли мы. Для них же, вроде, только венчанные супругами считаются. И бог, который есть любовь, а сам оказывается, любого может разлюбить. Это как понимать? Нет, не ходил раньше на исповедь и больше не пойду.

Прошли выходные, неделя тоже пролетела быстро и без происшествий. Несколько раз звонил некий Громов Валерий Викторович, директор строительной фирмы «Строй Сбыт Снаб Монтаж Проект» или это же в другой последовательности. Была эта фирма из тех, перед которыми ограничения, действительные и вымышленные, стояли китайской стеной. То ли Валерий Викторович верил в существование честного бизнеса (а что такого? кто-то, вон, в русалок верит), то ли просто денег не хватило... трудно сказать. Но всю неделю он доставал Евгения Ивановича назойливой просьбой доставить его заявку лично председателю комитета, прямо на стол. Наивный человек! Полагает, что удача связана с порядковым номером на входящем штампе. Сначала Евгений Иванович отказал, но на втором звонке призадумался, а почему бы и нет? Делать ничего не надо, а деньги вроде неплохие предложил... На третий раз он согласился. Единственной

дилеммой было то, почему Валерий Викторович предлагает деньги ему, а не решит вообще свой вопрос за деньги. Но, просчитывать чужие резоны, дело, как известно, неблагодарное. Поэтому, Евгений Иванович решил не лезть в смысловые дебри и назначил Валерию Викторовичу встречу в кафе, напротив его работы, в пятницу, в обед.

В назначенное время, Евгений Иванович зашел в кафе «Дубовая роща» – милое заведение с отличной кухней и неопределенным стилем, где вести сальные разговоры и решать темные дела стало доброй традицией. «Дубовая роща», часто усмехался Евгений Иванович: Им бы переименоваться в бар «Конфидент», это ближе к истине.

За столом уже сидел Валерий Викторович и нервно теребил в руках бумажную салфетку.

– Здравствуйте, Евгений Иванович! Заждался вас.

– Приветствую, Валерий Викторович. Да я, вроде, не опоздал.

– Нет, дело не в вас, я раньше пришел. Сами понимаете, не сидится дома, когда такой вопрос решается. У меня сейчас судьба предприятия на кону. Если пролетим, можно закрываться и идти на рынок торговать.

– Ну-ну. На рынок никогда уйти не поздно. Выше нос!

– Я теперь только на вас и надеюсь. Богу свечку поставил за ваше здоровье.

– Валерий Викторович, я вам вот что сказать хотел. Я, конечно, то, что от меня зависит, сделаю. Но вы уж совсем-то

меня на пьедестал не ставьте. Я ведь только передам и все. А дальше, сами знаете, от меня ничего не зависит. А то вы, я смотрю, уже как на спасителя на меня глядите.

– Да я все понимаю. Я, если что, к вам не в претензии буду. Вы только передайте, остальное, понятно, не ваша епархия.

– Хорошо, что вы это понимаете. А то, я уж засомневался, помогать ли вам. Не хочу потом крайним оказаться. Претензий я, уж извините, не принимаю. А возвраты – не практикую.

– Никаких претензий, Евгений Иванович. Только передайте и все.

– Ну, хорошо. Принесли?

– Конечно, обижаете.

– Это я-то обижаю? Скорее демпингую!

– Что вы, Евгений Иванович, я не об этом.

Валерий Викторович полез за пазуху, воровато осмотрелся и достал продолговатый конверт. Еще раз оглянувшись, он передал его Евгению Ивановичу, который его приоткрыл, заглянул внутрь, отогнул кончики купюр, как будто это карты, а он играет в «очко», после чего конверт скрылся уже за его пазухой.

– Теперь, когда я заплатил вам, я могу надеяться, что моя заявка попадет на подпись к председателю комитета, минуя общие процедуры?

Евгений Иванович удивленно посмотрел на горе-бизнесмена. Его удивила какая-то казенность и напыщенность

произнесенной фразы. Как будто, это бездарь пытается сдать экзамен в театральный институт, нарочито артистично читая монолог, несмотря на отсутствие зрителей. Желание бросить деньги обратно и послать Валерия Викторовича куда подальше, промелькнуло у него в голове. Неловкая пауза зависла в воздухе.

– Евгений Иванович! Я вам заплатил. Теперь я могу надеяться, что моя заявка попадет на подпись без общих процедур? – повторил проситель.

– Валерий Викторович! Мы с вами уже двадцать раз все обговорили. И далее, копируя тон строителя-неудачника добавил: – Теперь вы можете быть уверены, что ваша заявка попадет на стол председателя и будет на самом верху! Довольны?

– Хорошо, я надеюсь.

– А я надеюсь поесть уже. Обед никто не отменял и он у меня не резиновый. Официант!

На этот властный призыв, из-за соседнего стола, поднялись двое молодых людей и подошли к столику Евгения Ивановича.

– Евгений Иванович? Максимов?

– Собственной персоной. Вам чего?

– Областной УБЭП. Руки, пожалуйста, держите на столе.

– Это еще зачем?

– Евгений Иванович! Руки держите так, что бы мы их видели.

– А что происходит?

– Происходит задержание с поличным при получении взятки. У вас есть при себе денежные средства, которые вам не принадлежат?

Евгений Иванович все понял. Кровь ударила ему в голову, тело обмякло, чиновничий гонор покинул его: Приплыл! Так вот, зачем ты фразу эту проговаривал, – подумал он, взглянув на довольное лицо недавнего просителя: На диктофон писали. Ну, ты и сука...

– Да есть. Во внутреннем кармане, в белом конверте.

– Это ваши деньги?

– Нет. Я взял их в долг... вот, у товарища...

– Какая там сумма?

– Не знаю.

– Взяли в долг и не знаете сколько? Как же вы отдавать будете?

В это время к столу подошел невзрачный человек с чемоданом, в очках, чем-то напоминавший Берию.

– Конвертик достаньте, пожалуйста. Разрешите руки ваши...

Один из оперативников вытащил деньги из конверта и разложил их на столе. «Лаврентий Палыч» достал из чемодана баллончик без маркировки и поппикал на руки Евгения Ивановича, на конверт, на купюры; после этого посветил портативной ультрафиолетовой лампой. Деньги засветились ядовитым свечением, слово «взятка» отчетливо чита-

лось на них. Этим же зеленым цветом светились пальцы Евгения Ивановича и конверт.

– Понятые, подходим. Только что, при получении денежных средств от гражданина Громова, задержан Евгений Иванович Максимов.

– Евгений Иванович, назовите пожалуйста место вашей работы и занимаемую должность.

Дальше все поплыло перед глазами взяточника: лица, акты, протоколы... Ощущение нереальности происходящего завладело им.

К вечеру, Евгения Ивановича привезли в управление. Он начал понемногу приходить в себя. Картина происшедшего стала проясняться. Задержавшие его оперативники куда-то делись, теперь перед ним был следователь. Неопределенного возраста, невзрачный, со специфическим чувством юмора мента, хотя он относился к другому правоохранительному ведомству. Звали его... да так и звали: следователь. Исходя из дальнейших событий, можно было назвать его Мефистофель, но в его адрес это прозвучит как-то слишком высокопарно.

– Здравствуйте, Евгений Иванович. Что тут у нас с вами... взятка? Взятка... Я ваш следователь, буду вести ваше дело. Что решили? Показания давать будете?

– Мне кажется, у вас и без моих показаний есть все что надо.

– Правильно вам кажется, доказательств, хоть отбавляй.

Но процедура есть процедура. Так что? Дадите показания?

– Я бы хотел сначала с адвокатом переговорить.

– Законное желание, я вызвал для вас дежурного... или у вас свой есть?

– Есть знакомый. Но сейчас он здесь, конечно, не появится.

– А нам нужен прямо сейчас. Так что, бесплатным воспользуетесь?

– Бесплатным грех не воспользоваться.

– Ну да, вы-то об этом лучше всех знаете!

Последней фразой следователь, видимо, подколот Евгений Ивановича, но тот не понял. Кому-кому, а ему сейчас точно было не до приколов.

Через полчаса появился дежурный адвокат, Анатолий Борисович, солидный мужчина, на вид чуть постарше Евгения Ивановича, в хорошем костюме с пузатым портфелем и чуть хрипловатым голосом.

– Можно нам поговорить с клиентом наедине? – обратился он к следователю.

– Пожалуйста, общайтесь наедине. Я буду в соседнем кабинете. Стукнете в стену, когда закончите. С этими словами, следователь взял подмышку дело и удалился. Евгений Иванович и его защитник остались вдвоем.

Отрекомендовавшись друг другу, они начали обсуждать сложившуюся ситуацию. Евгений Иванович рассказывал свою историю, Анатолий Борисович уточнял, вставлял мно-

гозначительные реплики, поминал УК, УПК и другие угрожающие аббревиатуры. Многое он уже знал от следователя, и картина в мозгу профессионала сложилась, как пазл.

– Так что посоветуете, Анатолий Борисович? Признаваться или нет?

– Сами смотрите, Евгений Иванович. С одной стороны, признаться никогда не поздно: хоть на следствии, хоть в суде. Но признавшись один раз, назад уже не отыграете. С другой: а что вам, собственно, отрицать-то? Взяли вас с поличным, при передаче. Все писалось, и не только на диктофон. Они там, в кафе, целую киностудию устроили, филиал Парамаунд Пикчерс! С техникой у них сейчас попроще, так что ни в чем себе не отказывают. Деньги меченые, руки светились... Короче, смотрите сами. Я вам честно скажу, оно и мне выгоднее, чтобы вы сознались. Пустой работы меньше. Но я, что б там про нас не говорили, никогда клиенту плохого не посоветую. Я, может, в чем-то и беспринципный человек, но только не в этом. Следствие, опять же, благосклоннее смотреть на вас будет, а для вас это точно не лишне. Скорее всего, суда дома станете дожидаться. Но, повторюсь, дело ваше. Я в любом случае вашу точку зрения отстаивать буду.

Евгений Иванович задумался, откровенность адвоката подкупила его: да, действительно, сейчас признаешь, потом уже не откажешься. Но что говорить? «Я принимаю препараты, побочным действием которых является...» Нет, чушь все это.

Хоть Евгений Иванович и не был юристом, он много чего слышал на эту тему. Единственное, чего он не мог припомнить, так это чтобы кому-нибудь, после задержания с поличным, удалось соскочить. Вспомнился некий Пиотухович, который принял подношение в виде нового холодильника. Так вот, благодарный клиент его, через год, обанкротился. Сам, по собственной дурости. И пошел искать виноватых везде, где только мог. Заявил и на Пиотуховича. И вот казалось бы, где взятка, а где холодильник через год? Какой простор для версий о его приобретении! И то, – не прошло. Приехали с обыском, холодильник описали, Пиотуховича закрыли. И путешествует он теперь по казенным местам на казенный же счет. А что у меня? Все задокументировано, запротоколировано, и так далее и тому подобное. Не о чем говорить.

– Вы правы, нечего выдумывать. Все доказано. Не буду я никому мозг компостировать, зовите следователя.

На стук в стену, следователь быстро вернулся в кабинет.

– Ну что, пообщались?

– Пообщались.

– Что решили?

– Решили признавать.

– Вот и славненько! Верное решение приняли. Мы тоже вам навстречу пойдем. Сейчас чистосердечное оформим, вам на суде зачтется.

Через час все документы были оформлены и подписаны. Признание Евгения Ивановича состоялось.

– Ну что, все?

– Да, Анатолий Борисович. Мы с вами закончили, спасибо за сотрудничество!

– Я с органами не сотрудничаю. – ответил адвокат неожиданно резко.

– Это пока сами не попались. Ха-ха-ха. Шучу я, шучу, не это имел ввиду. Спасибо что пришли, хороших вам выходящих.

Дверь за Анатолием Борисовичем сердито захлопнулась. Евгений Иванович и следователь остались в кабинете одни.

– Что вы по мне решили? На подписку отпустите или, может, под домашний арест?

– По тебе Евгений Иваныч? По тебе мы еще ничего не решили. Только еще собираемся. Пока, на двое суток в ИВС, а там посмотрим.

После ухода адвоката, следователь перешел на «ты» в одностороннем порядке.

– Комитет твой прогнал насквозь. Не один вопрос без мзды не решается. Признаешь, надеюсь, этот факт?

– Я уже все признал. Чего тут отрицать, с личным взяли...

– О тебе и речи нет, тут все ясно, доказательства налицо. Ты нам про начальника своего расскажи, да про его зама, первого.

– Да мне и рассказать-то нечего. Они свои дела без меня делают...

– Евгений Иванович! Ты ведь, по сути, мужик-то неплохой. Оступился, бывает. Но на их фоне ты так, хулиган мелкий. Подзатыльник дать, да отпустить. А вот эти... эти да! Тут, блин, клейма ставить негде. Они эту систему создали, и ты, по сути, из-за них пострадал. Кого выгораживать-то?

– Но я...

– Думаешь, они б тебя стали? Они через любого перешагнут, не поморщатся. Не помнишь, в позапрошлом году, у вас там Рангинского за взятку приняли? Знал такого?

– Знал, конечно... но я...

– А знаешь, кто его тогда подставил? Думаешь, он сам в такую авантюру полез? Да она ему и не по зубам была... для них, козлов, старался. А они ведь знали, что дело нечисто. Их ведь тогда предупредили: не суйтесь, дело на контроле! Так они не сами, они Рангинского послали. Вот и результат. Он теперь уж второй год на зоне срок тянет, а они, вон, в шоколаде все.

– Но, я действительно ничего не знаю.

– Евгений Иванович, мил человек, да тебе и знать-то ничего не надо. Мы сами знаем все, что нужно и тебе расскажем. Проблема в том, что осторожные эти сволочи, не подкопаешься... Свидетель нам нужен, понимаешь? Свидетель железный... Ты к слову-то этому прислушайся: свидетель... Все лучше, чем обвиняемый, осужденный... Ты подумай, кем бы ты хотел по делу пройти? Начальству твоему и так конец. Не согласишься ты, согласится кто-то другой. В этом не

сомневайся. Тебе сейчас судьба улыбнулась во все тридцать два зуба и срок тебе дает – два дня. Посиди, поразмышляй, к обстановке присмотришься... и подумай, хочешь ты эту обстановку еще лет шесть наблюдать или двумя сутками ограничишься? В общем, послезавтра, в это же время, жду от тебя подписи на протоколе, и учти, дважды я такого предложения не делаю. Думай, Евгений Иванович, думай.

– А Рангинский тогда как, согласился?

– Сам-то как думаешь? Ему ведь вся десятка светила. А получил он четыре с половиной. Считать умеешь? Сам сообразишь дальше?

– Да, тут арифметика несложная. Только, что-то все на свободе в итоге остались...

– Много вопросов задаешь, Евгений Иванович. Ты про себя лучше посчитай. Эти цифры тебе ближе. А Рангинскому его оставь, он их сам, без тебя, посчитает. Уже считает...

– Жене можно будет одежду мне передать?

– Теперь все от тебя зависит, что тебе можно, а чего нельзя. Кто с нами по-человечески, – того и мы не обидим. А кто нет... тут уж не обессудь. Пока так посиди, за два дня не сопреешь.

На этом разговор со следователем закончился. Пройдя ряд неприятных процедур, Евгений Иванович оказался в камере изолятора временного содержания под номером семь.

Подмывает описать, что он почувствовал, когда железная дверь захлопнулась за ним, шелкнув замком снаружи. Да

только, что тут описывать? Что жизнь его разделилась в этот момент на «до» и «после»? Нет, не разделилась. Точнее, она разделилась, но гораздо раньше. Когда? Может, когда подошла пора платить очередной взнос по кредиту, а денег в наличии не оказалось. А может, в тот момент, когда любимая супруга, рассказывая о встреченной ею однокласснице, позавидовала новой шубе из голубой норки. А может, это произошло, когда дочь не хотели брать в элитную гимназию без взятки, а наличности не было, как всегда... Кто знает, кто знает. Возможно ли вспомнить, когда впервые попил воду из кружки или съел первое в жизни пирожное?

Евгений Иванович вошел в камеру и осмотрелся. Надо ли говорить, сколь отвратительно это место. Ко всему прочему, здесь не было окон, свет лампочки был тусклый, не позволявший даже теоретически что-нибудь почитать, а на полу стояло ведро, которое он принял сначала за помойное, но оказавшееся, в итоге, мобильным отхожим местом.

На нарах сидел мужчина бандитского вида средних лет.

– Здравствуйте, сказал Евгений Иванович и тоже присел на нары.

– Здравствуй, коли не шутишь! За что заехал?

– Заехал?...

– Ну, заехал, присел... за что здесь оказался?

– За взятку.

– О-о, интеллигенция! Впервые, судя по всему?

– Да.

Из за железной двери кто-то крикнул: «Сазонов, через пять минут на выход! С вещами!»

– Слушаюсь, начальник! Мне сейчас на выход, так что, пообщаться по душам не получится. Вот тебе пара добрых и бесплатных советов: всему, что здесь городят, не верь, сказочки тут такие – Андерсон отдыхает. На рожон не лезь, ментовских страшилок не бойся ну, и не проси ничего без нужды, ни у ментов, ни у сокамерников. Сами все предложат и дадут. Больше слушай, языком не мели, а то, глядишь, еще статейку себе заработаешь. Понял, о чем я? Ну, в общем, все, на первый раз. И да, предложат в баню сходить, не отказывайся. Одно из немногих доступных здесь удовольствий. Все, расход. Удачи!

Дверь за безымянным соседом закрылась, Евгений Иванович остался один. Аскетичное одиночество камеры как нельзя лучше располагало к раздумьям. А подумать было о чем. Он прокрутил в голове события прошедшего дня и поразился его зловещей насыщенности. Промелькнула мысль, не поспешил ли он со своими признаниями, не развели ли его следователь с адвокатом? Нет, не развели. В очередной раз, события выстроились сплошным частоколом, не позволяющим проскочить через него несчастному мздоимцу.

Евгений Иванович начал размышлять, как он будет теперь жить. О госслужбе, понятное дело, можно забыть навсегда. Вспомнились лица сослуживцев, обсуждающие очередного спалившегося чинушу. Представилось, что теперь и про него

будут говорить в насмешливо-жалостливом тоне. Дальнейшее фантазирование на эту тему было невыносимо.

Он вспомнил семью: любимую супругу, дочку... Как они отнесутся к произошедшему? Поймут ли, продолжат ли любить, как прежде? Дочь, конечно, не разлюбит. А жена? Хотелось бы верить. Он всегда ей верил, но проверить не имел возможности. В жизни их, до сего дня, все было хорошо: дом – полная чаша, техника, шмотки, отпуск за границей. Не было случая испытать любовь в экстремальных условиях, и вот, теперь, он появился... Станет ли Наташа ждать его годами из тюрьмы, носить передачи? Что дочь расскажет в школе? Мать, теща... милые старики, вас-то за что наказали? Об этих даже думать не хотелось.

Евгений Иванович попытался было размыслить, чем он станет теперь заниматься. Образование у него хорошее, опыт, правда, не совсем по специальности, большой. Лишним точно не будет. Но, дальше эти размышления никак не шли, упираясь в глухую стену неизвестности, перед которой любые прогнозы были нелепы. Что можно планировать, не зная главного: останется ли он на свободе? Все теперь сводилось к предложению следователя.

О чем оно, понятно: сдать начальство и получить свободу. Вроде, все просто. Делаешь то и получаешь это. Но хорошо ли так поступать? Станный вопрос. Хорошо ли... он в тюрьме, здесь хороших людей не держат, вопрос о том, хороший он или плохой, уже решен. Плохой. Значит, остается

только бороться за смягчение своей участи. А как ее смягчить, ему доходчиво объяснили.

По началу, Евгений Иванович не особо сомневался, как себя повести. В тюрьму не хотелось, начальство он и так недолюбливал. Вспомнилась фраза одного жизнерадостного политика: «свобода лучше, чем несвобода», очень тонкое наблюдение, это как «лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным». Гениально! Кто бы только спорил. Но чем дольше он размышлял, тем все большим количеством «если», «но», «однако» обрастали его мысли. Задача, простая как дважды два, разрасталась до размера теоремы Ферма, с бесконечными корнями, интегралами, статистическими погрешностями, кольцами периодов и прочей необъяснимой ерундой...

Кем он станет, согласившись на предложение следователя? Первым на ум приходило – доносчик, стукач! Но так ли это? Ведь он ничего не расскажет, ни о чем не донесет. Ему предложили лишь подписать некую информацию. Обналичить анонимные сведения. Нет, это не донос. А что это? Подходящее слово никак не приходило ему на ум. Но что-то подсказывало Евгению Ивановичу, что это слово, будучи найденным, немногим будет отличаться по мерзости от пресловутого стукача. Подпишет, что ли, какой-то...

А может, разводит меня следователь? Подпишу, а он все равно в тюрьму посадит. Все в его руках, претензию потом не выставишь. А может, наоборот. Не подпишу, а все одно

уйду на подписку. Да, поди знай. В любом случае, заранее не проверишь. Только эмпирическим, так сказать, путем. Развести для них – раз плюнуть. Но с другой стороны, если они всех будут обманывать, кто ж тогда им верить будет? Быстро молва пройдет, закроется лавочка. Нет, этот, скорее всего, не врет. Может, в чем и врет, но не в этом.

А может, это промысел божий? Он ведь тоже не в восторге от преступников. А бог, как известно, действует через людей. Может, он, устами этого следователя, пытается подвигнуть меня к богоугодному делу? Я ж не невинного оговорю. Начальство действительно зажралось и охамело. Там, где я съем жаренного пескаррика, они заливного осетра проглотят. Живут, как миллиардеры на Майорке.

Но вспомнив лицо следователя, Евгений Иванович усомнился, что через него бог решил возвестить свою волю: Нет, что-то он на вестника божьего не тянет. Кто угодно, нищий, пьяница, но только не этот. Скорее, он смахивает на лукавого, предлагает какую-то муть. А впрочем, почему лукавого? Он же не для себя старается. Работу свою выполняет и работу нужную: очищает общество от преступников. Наверное, сам не рад, что пошел в следователи. Сегодня вот, пятница, вечер, а он здесь, проводит время с отбросами вместо того, чтобы побыть с семьей, с друзьями. Отчего не помочь ему, да и себе заодно? Но как я ему помогу? Понятно, что мне дадут подписать какие-то показания, которых я не давал, да, скорее всего, и не могу дать ввиду неосведомлен-

ности. Тогда кто же я, свидетель? Нет, я ни о чем не свидетельствую, только подписываю, как приговор. Получается, я теперь судья? Но кто дал мне право судить, кто уполномочивал? Разве сам я, не такой же взяточник, только калибром помельче?

В это время замок в двери лязгнул, дверь открылась, и в камеру зашел новый постоялец. Это был неопрятный пожилой мужчина, далеко за шестьдесят, с бесцветными глазами, избегающими прямого взгляда. Нечесанные длинные волосы были, видимо, данью моде шестидесятых, оставшейся на голове своего владельца на все оставшуюся жизнь. Об этом же свидетельствовали жидкие, едва различимые бакенбарды. Прямо, Ринго Старр явился. Жаль, гитару не захватил. Зашел он в камеру каким-то обыденным манером, будто вернулся с работы домой. Не глядя на Евгения Ивановича, он спросил: «Нары есть свободные?», хотя ответ на этот вопрос был очевиден.

– С этим тут порядок – ответил Евгений Иванович волосатому арестанту: – Выбирайте любую.

Новичок невнятно назвал свое имя, представившись ни то Вадимом, ни то Валентином.

– Какую статью шьют?

– Двести девяностую. Взятка.

– О-о, беловоротничковая преступность. Ясно-ясно. И что, много взял?

– По меркам моего ведомства – немного.

– Но, видать, достаточно?

– Да, хватило.

– Небось, не сам надумал-то. Подсказал кто?

– Нет, сам. Здесь большого ума не надо.

– Ума не надо жбан кому-нибудь проломить, а здесь экономика, здесь без ума никак. Так что, прямо-таки сам все и заделал?

– Сам. Взятки тоже разные бывают. Эта не хитрее проломленного жбана. Вас самого-то, за что сюда?

– Да, то за то, то за это. Сажают-выпускают. Уже, наверное, сами забыли, чего хотели.

– Надо же! Что, и такое бывает?

– Чего только не бывает.

– Это уже беспределом каким-то попахивает. Разве можно человека ни за что в тюрьме держать? Чай, не тридцатые на дворе!

– Сейчас за кражу повязали. Коньяк в супермаркете мимо кассы пронес. Ну, ничего, скоро выпустят. С органами, при желании, всегда договориться можно. Там тоже не звери сидят. Какие-никакие, а понятия имеют. Ты им пособишь, и они тебя не обидят. Прикроют, если что, глазки в сторону отведут.

– Как же это, добиться от них такого расположения?

– Это не сложно. Они сами подскажут, чем ты им полезен можешь быть.

– Полезен органам?

– Да, полезен. Они ж все сами узнать не могут, а знать хотят, потому как – власть. О нас заботятся, что б жили все чин-чинарем, безобразий не учиняли.

– Да они и так уже всех обложили. Изо всех телефонов их уши торчат, все письма вперед адресатов читают. Чего же им не хватает?

– Им всего хватает. А вот чего тебе в жизни не хватало? Чиновником был? Что, платили мало? Вижу ведь, не сам ты взятку взял. Сто пудов, начальство подбило. Так ты не таись, расскажи все как есть, сними грех с души, участь себе облегчишь... Знающему человеку расскажи, поделись бедой. Знающий человек всегда подскажет. Много взяток-то наверно набрал за жизнь? Как бы еще чего не всплыло. Ты поделись, а я подскажу, как с этим быть...

Евгений Иванович, в очередной раз посмотрев на собеседника, понял наконец: перед ним стукач: Так вот чего тебе надо! Теперь понятно.

– Чего в душу лезешь?

– В душу лезешь... сдалась она мне. Она у тебя есть, душа-то?

– Слушай, я все понял, можешь дальше не продолжать. Я только не пойму, чего тебе надо от меня? Я признал все и явку с повинной подписал. К чему суетиться теперь? Или ты про другие мои дела узнать хочешь? Так не было их.

– Что, догадался? Видать, не все ты рассказал, коли я здесь.

Евгения Ивановича усталился на сокамерника во все глаза. Его поразило, что этот тип даже не попытался разубедить его в своем постыдном звании. Ба! Да ты, брат, ветеран сексотского движения, – подумал он.

– Все что знал, рассказал, а сочинять не стану. Мне сразу сказали, признаешь вину, – будешь ждать приговор дома.

– В чудеса веришь? Это неплохо... неплохо, когда на Новый год бумажку с желаниями в шампанское макаешь. А сейчас эта вера тебе боком выйдет. Таким боком, что не дай бог никому. У тебя в суде, ведь, не Дед Мороз будет председательствовать... хотя поведение твое за последний год подробно исследует... и подарок тебе выдаст, персональный. Н-да.

– Что выдаст, все мое будет. А ты, шел бы лесом.

– Как скажешь, Евгений Иванович, – сказал то ли Вадим, то ли Валентин, которому сам Евгений Иванович не представлялся.

Сексот стукнул в дверь камеры. Та без слов открылась, и стукач удалился.

Грубо, грубо, – подумал Евгений Иванович: Не так я себе это представлял, не о том в книжках читал и в кино видел. Тут любой дурак поймет, что к чему. Вот ведь, нашел человек себе в жизни занятие! Постукивает и в ус не дует. Интересно, что у него в трудовой книжке записано? «Принят на должность специалиста по креативной добыче информации и негласным связям с операми. Начальник Отдела кад-

ров опер такой-то». Да, смешно.

Интересно, а сам я кем стану именоваться, если соглашусь?

Наступила ночь. Евгений Иванович опять предался размышлениям. Он вспомнил, что его дед, партизанивший в Белоруссии во время Великой Отечественной, погиб от рук фашистов по наводке предателя. Вживую деда он никогда не видел, поэтому мог сейчас порассуждать об этом со стороны. Интересно, какие резоны были у того доносчика? О чем он думал, когда немцы втыкали ему иголки под ногти? И многим ли тюрьма лучше иголок под ногтями? А может, ему и не втыкали ничего. Может он сам, по собственной инициативе? Тоже хотел помочь государству, только чужому, мягко говоря. Кто ж знал тогда, что государство это испустит дух в мае сорок пятого, а свое – выстоит и победит. Господи, что я несу! При чем тут дед, при чем война? Я, вообще-то, родному государству помочь могу, изобличить преступников. Разве это не благородно? Кто фашисты в этой истории, кто партизаны? Н-да, нет ни фашистов, ни партизан... а стукач есть. И это, получается, я... А может, лучше быть доносчиком на свободе, чем партизаном на нарах?

Первая ночь в тюрьме показалась Евгению Ивановичу нескончаемой. Уснуть не получилось. Но, все кончается, закончилась и она. Двери камер застучали засовами, резкие окрики и команды наполнили стальной жизнью коридоры ИВСа.

Ближе к полудню в камеру заселился следующий постоялец, Коля.

Это был молодой человек лет двадцати пяти с дерзкими чертами лица и резкими движениями. Типичный холерик, он не мог усидеть на месте, постоянно вскакивал, метался по камере, пытаясь подыскать себе какое-нибудь занятие. Похоже, некоторое время он был лишен общения и теперь вцепился в свежие уши Евгения Ивановича мертвой хваткой, выдавая огромное количество информации, не переводя при этом дух. Выяснив, как зовут сокамерника, он тут же начал ему тыкать, называя то Иванычем, то дядей.

– Че, за че приняли?

– Да за взя...

– А мне прикинь, грабеж шьют. Сажают по беспределу. Прикинь, лечу, короче, к подруге, Ксюхе, весь на нулях, в телефоне батарейка сдохла. Смотрю, навстречу какая-то соплячка идет, в телефоне роемся. Я ей: дай позвонить, телефон сдох! Беру телефон, набираю Ксюху. А тут менты на бобике своем. Тормозят, короче, все дела. Че, говорят случилось? А эта ссыкуха им, типа, я у нее телефон отжал. Прикинь? Я реально только позвонить взял, у меня свой в кармане лежит. А мусора и слушать не стали. В бобик затолкали и в райотдел. А ты, че, как заехал?

– Да, как тебе сказа...

– А я, Иваныч, всю дорогу так. Прихватывают за голяк какой-то. Блин, такие дела делали и ничего. А по мелочам

вечно встречаю. В том году, прикинь, магазин на районе выставили, водки на десять косарей взяли. Следов, отпечатков понаоставляли, мама не горюй. Ну и че, водку допили, думаю, ну вот, со дня на день явятся, прихватят. Уже с подружкой распрощался, типа, один хрен на зону скоро. Так и че ты думаешь? Так и прошло дело всяком. Никого не нашли. Я валяюсь с них.

– А ты не боишься такие вещи здесь рассказывать? Вдруг я настучу?

– Ты? Настучишь? Дядя, не смейся мои тапки. Пацан стучака за версту учует. Из тебя-то какой стучач? Да откуда им здесь быть? Это ж не СИЗО. Тут ведь не арестанты, тут так, типа, кандидаты...

О, слово-то какое знает, надо же! Кандидат! Этак мы скоро до высокого штиля договоримся, – подумал Евгений Иванович, но просчитался.

– Ты че, на зоне был раньше?

– Нет, пока не довелось.

– А в СИЗО?

– Нет.

– А-а, да ты, типа, первоход! Блин, прикольно. Ну че, тебе там понравится. Такие пацаны там сидят, на воле таких не встретишь. Блин, всему научат в два счета. Ты это, мужик видать не бедный? Как заедешь, смотри, что б тебя там на хавку не разводили. А то там такие расклады, если кого греют с воли, так к ним в друзья ползоны набивается. Все

сожрут за тебя, за день дачку сметут. Ты это, гляди короче, с кем там дружбу водить. А то знаешь, деревенщина всякая понаедет, бомжи разные. С этими не водись. Пускай баланду хавают. Смотри, кого тоже с воли греют, с ними корешись.

– А когда здесь баня?

– Че? Какая баня, дядя? Я ж тебе говорю, это не СИЗО. Здесь бани нету.

– Странно, а мне тут сказали...

– Кто тебе сказал? Разводят тебя как лоха. Че за крендель тебе такое выдал?

– Да сидел тут один, когда меня посадили...

– Кто такой? За че сидит, не говорил? Как выглядит?

– Да я недолго с ним пробыл, толком и не разглядел. И имени не спросил...

– Рыжий такой, лысоватый? Без зуба переднего?

– Да нет, вроде не рыжий.

– Кто ж такой, че за перец? Ладно, хрен с ним. ...баня у него на ИВСе. Я валяюсь!

– А ты, я так понял, не в первый раз?

– Э-э, дядя, ну ты скажешь! Четвертая ходка. Первый раз по малолетке заехал. Тоже, на ровном месте. Там, чуваку, типа, ребра сломали. А он, прикинь, сам их сломал за день до этого. Весь квартал в теме был, а на нас повесили. И терпила, падла, тоже показал, типа это мы его. Прикинь! Да, Иваныч, хорошо, что ты большеенький уже. А то б, на малолетку. У-у-х.

– А что там условия хуже, чем во взрослой тюрьме?

– Не, условия лучше. Там и прогулки дольше и телек показывают. И наставники суетятся, что б мы перевоспитывались, типа.

– А что тогда не так?

– Все так. Только там ты за свои вопросы закукарекал бы уже давно!

– В смысле?

– Под шконкой бы жил. Ну ты это, не парься. На взросляке такого нет, забей! На взросляке, чтобы залететь, надо, чтобы смотряга дал добро.

– Смотрага?

– Смотрящий за зоной. Авторитетный зек, типа. Да ты там никому не нужен будешь. Че с тебя взять-то? В косяки там по наводке вгоняют. Да не, Иваныч, не парься. Ниче тебе там не сделают. Ты так, веди себя по человечески, и все нормуль будет. В картишки не играешь?

– Нет.

– Вот и там не играй. Ни на че. А то, разведут, глазом моргнуть не успеешь, будешь должен кругом.

В дальнейшем, общение с Николаем перешло уже в сплошной монолог. Догадайтесь, чей? Не задавая никаких вопросов и вообще не имея возможности вставить слово, Евгений Иванович узнал: кто такие вохрушки и как завоевать их расположение, почему не имеет смысла передавать в тюрьму плетеные мочалки, как сварить суп на бульоне из

копченой колбасы, что делать, если случайно получил чужую маляву, для чего во дворике для прогулок необходимо поливать водой углы, как общаться через гофру и отправлять посылки по канализационным трубам, зачем у входа в камеру приварена пустая труба с глухим дном, почему в локалке должно быть чисто, чем реснички хуже решеток на окнах, сколько раз нужно ударить по батарее, прежде чем прокатать дорогу, кто в автозаке ездит отдельно от остальных, как спать на двух матрасах, если положено иметь один, что такое клоп, трамвай, тормоза, пальма... и еще бесчисленное количество абсолютно посторонней для него информации.

На голубом глазу Коля сознался в нескольких нераскрытых преступлениях, среди которых грабежи, угоны, телесные повреждения разной степени тяжести...

Да уж, Коля, видишь ты стукача за версту! – усмехнулся Евгений Иванович. Наверное, половину своих судимостей получил благодаря языку без костей...

Глядя на Николая, слушая его колоритную ахинею, Евгений Иванович поражался той пропасти, которая разделяла их. Кроме морфологических признаков, у них не было ничего общего. Две параллельные реальности, не больше, не меньше. Закон же рассматривал их, как идентичный вид, именуя родовым понятием «преступник». Эта мрачная камера соединила несоединимое, ни для кого не сделав различий. Удивительно!

Наверное, еще немного, и голова Евгения Ивановича

разорвалась бы, как снаряд. Но замок в двери в очередной раз скрипнул, и терзатель чужих ушей исчез в узких коридорах изолятора, оставив после себя полбутылки минералки. Фу-х-х, – выдохнул Евгений Иванович. Блаженная, как выяснилось, тишина воцарилась в камере, лаская слух, как компресс раздраженное горло: Неужели ушел? Слава тебе господи!

Пытаясь оценить услышанное, разложить его по полкам, он понял, что не справится с этой задачей. Такого количества тупой информации за единицу времени он в жизни своей не получал.

Часа два приходил он в себя, умоляя при этом высшие силы, чтобы Николай, не дай бог, не вернулся. Мольбы его дошли по назначению, больше Колю Евгений Иванович не увидел ...и не услышал, что гораздо важнее.

Душа его потихоньку успокоилась, собственные мысли снова полезли в голову: Много ли будет в тюрьме таких, как я? Скорее всего, немного. В основной массе будут подобные николаи. Как жить среди них? Что, стать со временем таким же? Рассказывать о получении взятки, как об увлекательной погоне от ментов? Нет, я и через двадцать лет не приближусь к нему. Да и зачем? Таким надо если не родится, то уж точно стать гораздо раньше, еще в период прыщавого пубертата. Нет, мое время ушло. Вон, Галичкин Сергей Петрович, интеллигентный был человек. Подворовывал тихонько в филармонии, сел на пять лет, сейчас освобожден. Недавно ви-

дел его, общался о том, о сем. Так он, каким был, таким и остался. На феню блатную не перешел.

К вечеру в камеру посадили очередного сидельца. – Игорь, представился новичок. На вид ему было лет двадцать восемь – тридцать. Высокий, сухопарый, с мощными жилистыми руками. Вся его наружность говорила, что в жизни он занят физическим трудом. Ну, и не сильно разговорчивый, что можно сразу записать ему в плюс.

– За что заехали, поинтересовался Евгений Иванович, начавший уже привыкать к тюремному лексикону.

– Людей на машине сбил.

– И что, за это закрыли?

– Да. С двумя трупами не отпустят.

– О господи! Как это вас угораздило?

– Да вот, угораздило. Можно на «ты».

– Что, пьяный был?

– Нет, с похмелья, немного. До сих пор сушняк мучит.

Здесь водички нет?

– Есть немного минералки. На, попей. Н-да, едешь вот так, и на тебе: вся жизнь разделилась пополам.

– Это точно.

– А кто потерпевшие?

– Отец с дочерью, семь лет. Вроде и ехал не быстро, километров пятьдесят, не больше. Девчонка на дорогу выскочила, прямо перед машиной. Отец за ней бросился... Блин, два трупа. Как так?!

– Сочувствую. Как жить-то теперь с такой гирей на душе?

– Вот так и жить. Не в петлю же лезть.

– Даже не знаю. Если б я две души загубил, может и залез

бы...

– Я не полезу. Греха на мне нет.

– О-как?!

Игорь посмотрел на Евгения Ивановича, как бы оценивая, можно ли с ним откровенничать.

– Ладно, что уж там! Теперь все равно... Не я их сбил.

– В смысле, не ты?

– В прямом. Не я. Девчонка за рулем была, соседка. Попросила дать порулить, я и дал.

Ленка, я ее с детства знаю, родителей ее знал... Они у нее погибли, когда ей шестнадцать было. Ну, ее и понесло по жизни. Проституткой была, на трассу ходила, дальнобойщиков обслуживать. Денег, понятно, не было, учиться некогда. У нее еще брат был младший... ну, в смысле, он и сейчас есть. Пришлось ей и его тянуть на себе. Зарабатывала, как могла. А тут, прикиньте, встретила парня, Алексей зовут. Хороший парень, не пьющий, работающий, всем бы таких. А Ленка, хоть и проститутка... душа у нее хорошая, добрая. В общем, влюбился он в нее по уши, а она в него. Весь квартал за них радовался. Если бы кто о занятии ее проболтался, убили бы, не пожалели. Да, все радовались... волновались только, что будет, если Лешка правду про нее узнает. Да он, наверное, сам догадывался, но виду не подавал. Любовь зла,

сами знаете, наверное. И вот, пару месяцев назад, приходит он к Ленке. Вроде, все как обычно, шуры-муры, и тут он ей говорит: Лена, а я все знаю. Ну, она понятно вся перепугалась: Что ты знаешь? Знаю, говорит, чем ты на трассе занималась... И тут, достает из кармана кольцо и говорит: будешь моей женой? Представляете? Мне, говорит, все равно, кем ты была, я тебя люблю больше жизни. Откажешь – удавлюсь. Она конечно в слезы: какой там откажешь! Она ж сама без него жизни не представляла. Подали в ЗАГС, завтра свадьба. А перед этим, девичник у нее был, в соседнем районе. Сами понимаете, посидели, выпили... Она мне звонит, мол, приедь, забери домой. Я приехал, у меня Газель своя. Сели, а она как привязалась, дай проехаться, да дай. Я говорю: ты ж водить не умеешь, а она: умею! Ну, вот и доездились...

– И что, ты-то здесь причем? За руль посадил, это неправильно, но ты ж не сбивал никого!

– Нет, не сбивал. Только, когда менты приехали, глянул я на нее... глянул и понял, нет, не ее это судьба. Нельзя ей в тюрьму.

– А что же это, твоя судьба, что ли?

– Выходит да, моя.

– Да как же так? У тебя самого что ж, семьи нету?

– Есть. Жена есть, дочка есть.

– Не понимаю тогда...

– Тюрьма, она не для женщин, она для мужиков.

– Тюрьма для преступников, а ты не преступник!

– Для мужиков она, для мужиков. А ей не за что в ней сидеть. Если и были за ней грехи, она их отработала, закрыла счета.

– А у тебя какие счета не закрыты?

– У меня все закрыты. И я не хочу их открывать.

– Да чем же ты их откроешь, оставшись на свободе, с семьей?

– Тем, что Ленку предам.

– Какое же это предательство?

– Настоящее, самое, что ни есть. А я не предатель.

– А что ж семья? Их ты не предаешь сейчас?

– Вы мою Надюху не знаете. Она сама точно также поступила бы. За это и люблю ее. Они меня дождутся, я не сомневаюсь. И не разлюбят. Да я и сидеть буду не на зоне. Дадут поселок, года три-четыре, там и со свиданками попроще.

– А им ты скажешь правду?

– Нет, зачем им знать?

– А, значит, все-таки сомневаешься в них...

– Я в себе не сомневаюсь. Это главное.

Евгений Иванович посмотрел на Игоря. Сначала он подумал, что тот сочиняет, как это принято здесь. Но, рассудив, понял: нет, этот не врет. Зачем ему сочинять, он же не в свидетели его призывает. Наверное, и рассказал только потому, что они случайно пересеклись и скоро их пути навсегда разойдутся в разные стороны. Боже мой! Да что же это за колосс такой! Говорят, внутренний стержень. Здесь не стер-

жень, здесь железобетонная свая внутри! И Надюха у него такая же, как он. Уму не постижимо, в наше-то время, когда все продается и покупается, откуда они взялись? Как они выковались, из каких сплавов и сталей? Жизнь прожить можно, а никого подобного не встретить. Захотелось чем-то помочь Игорю, поддержать... но, он как-то устыдился самого себя.

Через час Игоря увели. За это время они больше ни разу не заговорили. Ни за что на свете не признался бы Евгений Иванович, какие он закрывает счета в этой камере. Он снова остался один. Какое время суток на дворе, было непонятно, но по навалившейся усталости он понял: сейчас, скорее всего, ночь. Ночь, она и в камере ночь. Звуки за дверью затихли, лязганье засовов замерло. Похоже, больше соседей у Евгения Ивановича сегодня не будет. Он прилег на жесткие нары, подложив под голову свернутый пиджак.

Мысли снова закружились в его голове, но чем больше он думал о предложении следователя, тем неразрешимее становилась задача. Наконец, Евгений Иванович подумал, что у такого простого вопроса не может быть столь сложного ответа. Он должен лежать на поверхности и быть очевидным или хотя бы, вычисляемым. Вооружившись этой мыслью, он попытался выделить в своих рассуждениях что-то главное и не обращать внимание на второстепенные детали.

Жаль, нет ручки и листка бумаги. Записал бы сейчас все в столбик, да подвел бы внизу черту «итога». Что у нас в активе, в дебете, так сказать? В тюрьму не хочется, – это

неоспоримый факт. Своя рубашка ближе к телу... цинично, но тоже, вроде, не поспоришь. Начальство – жулики и на роль невинной жертвы не подходят. Да, все так. А в пассиве? Кого я предаю своей подписью в протоколе, понятно: взяточников махровых. А если откажусь, не предаю ли я что-то, кроме собственного желания не сидеть? Господи, да как же не предаю? А семья? Родные мои люди! Как же я их-то не брал в расчет?! Разве, не предаю я, оставив их одних: жену без мужа, дочь без отца, мать без сына? Чем семья виновата, за что должна страдать?

Евгений Иванович почувствовал, что мысль его, наконец, нащупала твердую почву. Просто-то как! На одной чаше – любимая семья, родные лица, на другой – компания взяточников. Вот он, очевидный выбор! Да, у них, наверняка, тоже есть семьи. Но, разве это уже не их забота? Пусть побудут в моей шкуре, пусть переживут тоже, что пережил я. Может, им самим предложат сдать начальство рангом повыше. Пусть тоже посидят, подумают, посчитывают знаки судьбы с тюремных стен!

Сознание Евгения Ивановича успокоилось. Искомое решение обнаружилось, наконец. Было простым, ясным и непротиворечивым: таким, каким и должно быть. Но воспаленный тяжелой работой мозг не мог остановиться в одночасье, как разогнавшийся паровоз, не мог сходу затормозить. Мысли опять полезли ему в голову. Выстроенный, было, монолитный логический фундамент пошел трещинами,

начал рассыпаясь на глазах: При чем здесь семья? Хорошо придумал, – прикрыть свою вину их невинностью. Что скрывать, не о них я пекусь, пытаюсь подобрать себе оправдание. Свою задницу спасти хочу. Заслоняюсь ими от собственного стыда, подставляю, проще говоря. Нет, не о том эти мысли. Все вернулось к тому, с чего началось. Думал, взвешу, разберусь... не тут-то было. Снова ни один аргумент не хотел, без боя, переходить в разряд второстепенных. Подсчет закончился до подведения заветной черты. Но решить-то что-то нужно!

Все аргументы «за», носили чисто практический характер, лежали, как и положено, на поверхности и были утилитарного свойства. Аргументы «против» возникали из области морали, с которой у Евгения Ивановича было все не так однозначно. Нет, аморальным человеком он не был. Напротив, обладал тонкой душевной организацией, склонной к рефлексии. Но рефлексировал он, обычно, на темы, не касавшиеся его собственных жизненных интересов. Здесь он считал себя исключительным практиком. Теперь же, моральные аспекты вышли на поверхность из области бессознательного и, к удивлению самого Евгения Ивановича, уверенно начали теснить вполне мирские желания и устремления. Совесть вдруг стала всерьез конкурировать с желанием остаться на свободе. Да уж...

Не находя рационального ответа, Евгений Иванович решил обратиться к иррациональному: к знакам, приметам, ту-

манному и неведомому подсознанию, которое, скорее всего, и есть жилище первых двух. Начав искать закономерности, Евгений Иванович сразу почувствовал, что они определенно есть. Он явно ощутил гротескность, не случайность произошедшего. Осталось разобраться в полученных сигналах, верно интерпретировать их. В камере ему повстречались четверо. Самого первого, увиденного вскользь, в расчет можно не брать. Что он выдал: банальное не верь, не бойся, не проси? Нет, это не явление, это недоразумение. И бани в ИВСе нету, если что.

Его Величество Арестант явился к нему в трех своих ипостасях: стукач, пацан и подвижник. И что же они, в итоге, хотели сказать ему? Чему научили?

Первый... этот не совершает преступления, он работает преступником на полставки, а потом доносчиком, на полторы. Показал, что это явление существует? Да я и так в этом не сомневался. Показал, что оно персонифицированное и имеет имя собственное? ...показал, но я уже сейчас не вспомню, как его звали. Тогда что же, в чем смысл? Какие чувства он у меня вызвал? Хм... да никаких, особенно. Мерзавец, но ничего inferнального. Так может, смысл в том, что и меня никто не воспримет, как чудовище? А и правда ведь... кто возненавидит меня... да что уж, кто вообще осудит? Никто!

Второй, Коля-Николай. Этот о чем хотел сказать своим визитом? Что я не такой как он, не преступник по жизни?

Нет, не в этом дело. Пацан, вечно нос по ветру... Все воспоминания и впечатления от угнанных машин, украденных кошельков, избитых прохожих. Ну, и тюрьма конечно, – дом родной. Тюрьма! Вот оно что! Коля показал, что меня ждет в тюрьме, задал вопрос, смогу ли я существовать там. И что же, каков ответ? Место неприятное, разговора нет. Но, правила там примитивные и, в общем-то, понятные. Все, с небольшими оговорками, в рамках здравого смысла... «Веди себя по-человечески и все будет нормально...» Так что, смогу я там существовать? ...смогу, наверное. В смотрящие не попаду, но отсижу уж как-нибудь, переживу однозначно. И что ж в итоге? В тюрьму?

Третий, Игорь... ну, здесь, вроде, все ясно. «Я не предатель, поэтому не предам» – бери в пример и будь праведником. Посыл, вроде бы, понятен. Но копнуть поглубже: да в этом ли посыл? Где он, и где я? Ведь я, не то, что близко к этому Игорю не стою, мы как будто с разных планет прилетели. Что бы Игорь ответил на предложение, сделанное мне? Стал бы он двое суток размышлять? Идиотский вопрос. У него ответ на лице написан, и отвечать бы не пришлось, все и так ясно. Да ему, наверняка, и не предложили бы... Нет, не способен я на такое. Даже ради собственной жены, которую безусловно люблю, и то, не уверен, что решился бы. Может и смысл был в этом: я не такой, от природы не способен, слаб... Тварь я дрожащая или право имею? вопрошал Раскольников. А я, получается, право имею, потому, что я

тварь дрожащая. ...А может, я тварью стану, когда признаю за собой это право?

А может, я сейчас положен в гроб на два дня, чтобы на третий воскреснуть к новой жизни ...или превратиться в тлен? Может я, своими страданиями, искупаю чужие грехи, начальству своему, заворовавшемуся, даю шанс исправиться и спастись? О-нет, я точно не Христос. И здесь я – за свои грехи. И что в моем случае воскресение? Выйти отсюда на свет божий с клеймом Иуды? ...или жить годами в неволе с нимбом праведника? Что Пасха для меня? Что тлен?

Набожным человеком Евгений Иванович не был. Но вера, как известно, стучится в душу, когда других посетителей там уже не ждут: Верю ли я в бога? Или нет, не так: верю ли я в него настолько, чтобы туманные заповеди пыльных богословских книг стали руководством к действию? Смогу ли разобраться в хитросплетениях религиозного догмата, угадаю ли истинный смысл библейских притч? ...Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова... а я кого должен родить из себя? Святого взяточника, который сам берет, но, про других рассказывать не хочет? ...или стать карающим мечом в божьей длани по заявке правоохранительных органов? Кесарево – Кесарю, божье – богу... так, может, он сами соберут свое, без меня? Много и неоднозначно учит писание тому, что нужно делать в жизни. Но, то, чего делать нельзя, указывает лаконично и без тумана: Не делай! Или гиенна огненная! Нет, святые отцы, умом я вашу доктрину понимаю, но

принять ее сердцем пока не готов. Простите...

А может, смысл в том, что я вообще размышляю на эти темы? Значит, не пропащий я человек, коль не согласился сразу, а взял тайм-аут. Да... а вот, как бы не наоборот! Так на спонтанность можно было списать, а теперь, получается, что это мой осознанный выбор, обдуманый, каким бы он не оказался. ...И тайм-аут не я взял, мне его дали...

Ну что, спасибо вам, высшие силы! Вновь стало понятно, что ничего не понятно.

Так, ничего не надумав, Евгений Иванович задремал. Как ни странно, никаких снов ему не приснилось.

Тюремное утро вновь застучало дверными замками, зазвенело ограничительными цепями, загавкало отрывистыми командами: «стоять!», «лицом к стене!». Ночь прошла, все ожило.

К следователю Евгения Иванович вызвали только после обеда, часа в четыре. Никто за это время к нему в камеру не подсаживался, можно было спокойно поразмыслить, но уже не получалось. От калейдоскопа событий и массы передуманного Евгений Иванович устал.

Тщетно пытался он примирить простое и по-человечески понятное желание остаться на свободе с совестью. Всякий раз, убаюканная, было, его хитровыдуманными доводами и аргументами, она вновь открывала глаза и показывала ему свой кукиш: Нет, брат Евгений, не договоримся! Хочешь свободу бессовестной ценой? Валяй. Дело твое. Но меня не

приплетай, я тебе свое добро не даю. Никогда не дам!

Не было уже душевных сил размышлять далее.

У следователя он оказался, так и не приняв решение, как же ему поступить.

– Ну что, Евгений Иванович? Созрел? – спросил следователь и положил перед ним готовый протокол допроса. – Прочитай. Самому, наверное, интересно будет.

Евгений Иванович взял протокол в руки. Документ был аж на пяти печатных листах, исписанных с обеих сторон. По объему выходила целая повесть.

– Читай, не спеши. Сигарету хочешь?

– Я не курю.

Евгений Иванович стал читать протокол, постепенно погружаясь в него, как в забористый детектив. Составлен он был, конечно, не в жанре беллетристики, но внимание захватывал определенно. Тем более что все действующие лица были знакомы Евгению Ивановичу лично.

Речь в протоколе шла о двух крупных земельных аферах, провернутых пару лет назад, про которые он слышал краем уха, но подробностей, конечно, не знал. Теперь, читая как это все происходило на самом деле, он в очередной раз дивился размаху и наглости своего начальства. Да, он их знал, но явно недооценивал. Ряд схем, описанных здесь, вообще был ему не знаком и отдавал практически гениальностью, если это слово здесь уместно.

Внезапно у него промелькнула мысль, что сдав их сейчас,

он даже окажет им своего рода услугу, остановив этот кошмарный маховик беззакония и не дав наломать еще больше дров. Эта мысль добавила ему уверенности в том, что предстояло сделать, приятной тяжестью легла на чашу весов под названием «сдать». Яркий свет кабинета разогнал мрачные мысли. Снова все виделось в привычном практическом ключе.

Евгений Иванович, уже с каким-то профессиональным, чуть ли не следовательским интересом, углубился дальше в чтение. Дочитывая последний лист, он наткнулся на упоминание о Рангинском, про которого ему напоминал следователь в прошлый раз. Рангинский, Рангинский... бедняга. И ты туда же... Господи, Рангинский! Мысль, простая, как пуля, пронзила его сознание: А ведь он, Рангинский, знал про все это. Может не все, но на порядок больше, чем Евгений Иванович. Что же он, Рангинский, не подписал в свое время эти показания? Он-то, и написать их мог сам, без суфлеров! Так вот оно что... врите, господин начальник! Не сдал никого Рангинский, не сдал. И четыре с половиной года получил не по вашей протекции. Как же я раньше об этом не подумал?!

Решимость вновь заколебалась в душе Евгения Ивановича, хотя довод о пользе предательства для самих преданных тоже пока не отступил. Закончив читать, он отложил протокол и прикрыл глаза.

– Что, Евгений Иваныч, впечатляет? Сам, наверное, не по-

дозревал, как у вас там дела обстряпываются?

– Да уж, не подозревал.

– Хочешь спросить, откуда мы все это знаем?

– Нет, не хочу. Вы ведь все равно не скажете.

– Молодец, соображаешь. Но чуть-чуть приоткрою завесу, так и быть: не надо думать, что стандарт GSM действительно шифрует трафик. ...и что мессенджеры не прослушиваются – тоже, не совсем правда. Ха-ха-ха.

– Вы тут пишете о вещах, которые я знать не мог. Как я это объясню потом?

– Ты, Евгений Иванович не волнуйся. Может статься, тебе и вопросов никаких никто не задаст. Здесь психологический момент важен. Увидят негодяи, что ты о них показываешь, – сами начнут каяться наперегонки, только записывать успевай. Они ведь, ссыкуны по природе своей. Думают, окружили себя круговой порукой и не подберутся к ним никогда. А как поймут, что круг разорвался, так совсем по-другому запоют, соловьями зальются. Там уже не до твоих показаний будет. Ну, давай, там, где галочки, подписи свои ставь, и на свободу с чистой совестью.

– Что-то ручка не пишет.

– Сейчас, найдем другую. Где же она? Посиди минутку, сейчас у соседей позаимствую.

Следователь вышел в соседний кабинет, оставив Евгения Ивановича одного. Вот он, Юрьев день, вот она, вольная грамота, лежит на столе, молчаливо ждет его подписи. Бес-

конечный рой мыслей опять завертелся у него в голове, но ни одну из них не получалось выхватить. Время сворачивалось, как клубок, некогда было обдумывать, момент истины неумолимо наступал. Сколько еще не будет следователя? Минуту, полминуты? Ничего уже не решить, все обдуманно тысячу раз, но решение, правильное решение... боже, где оно? ...Боже... Лицо священника мелькнуло у него перед глазами:

Отче наш, сущий на небесах!

Да святится имя Твое; Да придет Царствие Твое;

Да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки.

На слове Аминь, мысленно произнесенном Евгением Ивановичем, в кабинет вошел следователь и протянул ему ручку. – Держи, эта пишет.

С довольным видом он сел за стол и уткнулся в компьютер.

– Ну что, подписал?

– Нет.

– Что нет? Опять ручка не пишет?

– Ручка пишет. Я подписывать не стану.

– Не понял. Как это ты не станешь? А я зачем это писал,

интересно?

– Зачем вы писали, понятно. И зачем мне это подписывать – тоже понятно. Только я не подпишу.

– Хорошо подумал?

– Хорошо. Может, первый раз в жизни, очень хорошо подумал.

Следователь посмотрел в глаза Евгению Ивановичу. Жалкий взяточник сидел перед ним, сгорбившись. Щетина как-то сразу состарила его, лицо осунулось. Казалось, он весь стал как пластилин, мягкий и податливый. Лепи что хочешь, вытягивай, мни, он и слова не скажет. Но в этих потухших глазах, глазах преступника, признавшего вину и смиренно ждущего своей участи, в этих глазах блеснула какая-то сталь, несокрушимая, как танковая броня.

– Стало быть, в несознанку решил уйти...

– Так ведь я же все признал, все подписал...

– Ой, какой герой! Ты, Евгений Иваныч, дурака-то из себя не строй. Ты знаешь, что от тебя требовалось. А признания твои, ты их для себя самого подписал, а не для нас. И подписал да расписал не от раскаяния. Просто за яйца тебя схватили всей пятерней. Деваться тебе было некуда. Ну да ладно, каждому свое. Ты главное, на судьбу свою потом не обижайся. Она тебе такой шанс давала...

– Вообще-то, приговор мне суд будет выносить, а не вы.

– А ты думаешь, они не под нашу дудку пляшут? Что, всерьез считаешь, что это они по внутреннему убеждению при-

говора вам выносят? Наивный ты человек! Как скажем, так и будет. Все эти прения, заседания, прокуроры, адвокаты: это же балаган, театр бабы Фисы. Все решено давно, все постановлено.

– А насчет меня что постановите?

– Что постановим? Постановим, что от сотрудничества ты отказался, сознательности гражданской не проявил, так что и снисхождения не достоин. Что там у тебя по статье? До шести лет? Вот их и получишь. Реально. А пока, не смею задерживать. Заполняй подписку о невыезде и вперед, ждать суда, сухари сушить. Будешь нужен – позвоню.

Через полчаса Евгений Иванович был на свободе. Она так неожиданно свалилась на него, что он какое-то время просто стоял в оцепенении, не понимая толком, что произошло. Ощущал он примерно тоже, как если бы кошмарный нильский аллигатор заглотил его по шею, а потом, передумав глотать, выплюнул обратно, на берег.

* * *

Следствие по делу Евгения Ивановича длилось недолго. Вину он уже признал, показаний по ходу не менял и палки в колеса следствию не ставил.

Потянулись дни, суетные и пустые, предшествующее пугающей развязке. Скорее, это было безвременье, своего рода анабиоз, вслед за которым начнется иная жизнь. Плохая ли, хорошая, но совсем другая.

С работы Евгений Иванович уволился по собственному желанию и новой не искал. А смысл? Накопленных сбережений на жизнь пока хватало.

Супруга Наталья с Евгением Ивановичем развелась. Но нет, не подумайте, она его не разлюбила. Это было чисто техническим решением: взыскания, иски... сами понимаете.

Семья безоговорочно поддержала его. Да и как иначе? Все они, по большому счету, отлично жили за его счет. Хоть и не задавали вопросов, но понимали, – на чиновничью зарплату так не разгуляешься. Их поддержка, конечно, помогала, но, с другой стороны, угнетала несчастного. Легче было скрыться за стенами тюрьмы от ненавидящих глаз, чем покинуть на годы любящие и дорогие.

Время, с иезуитской медлительностью, текло, принося свои обыденные хлопоты, тревоги, переживания. Но чувствовал их Евгений Иванович так, будто пытался почесаться через одежду. Все ощущения притупились, стали второстепенными, фоновыми по отношению к главной и неусыпной мысли: что же будет дальше? Уйдет он из суда или уедет?

В решении, так непросто принятом в ИВСе, Евгений Иванович не сомневался. Лишь однажды, когда серым дождливым вечером он в одиночестве смотрел телевизор, червь сомнения шевельнулся в нем.

Шла передача о громких преступлениях эпохи СССР, напичканная искусственно состаренными кадрами, треском печатной машинки и кокардами с серпом и молотом. Веду-

щий, некогда любимый всеми актер кино, с ампула дотошного сыщика, рассказывал о минувших страстях тоном дяди Вовы из «Спокойной ночи малыши», посмеивался над наивной советской действительностью, весело щуря глаза, похожие на кавказские. Он утонченно поплевывал в сторону обожавшей его когда-то страны, словно не она дала ему в жизни все, и теперешнее место в эфире в том числе.

И этот продался... А может, к черту все? Пойти, да тоже сдать?

В ведомстве Евгения Ивановича, по слухам, все было тихо. Все работали, как прежде, и, стало быть, предложение следователя оставалось в силе. Он решил на следующее утро пойти и подписать злосчастный протокол.

Но утром, от этих мыслей не осталось и следа. Даже Отче наш не понадобился. Больше, к чести Евгения Ивановича будет сказано, он на эту тему не задумывался. Все уже произошло, твердо решил он, а дальше – будь, что будет.

Через месяц начался суд. За раз, конечно, ничего не решили: то тот не явился, то этот не пришел... Но, пятое заседание должно было стать последним. Все всё сказали, все предъявили, обо всем походатайствовали. Теперь предстояло последнее слово и приговор.

Председательствовала в суде Орлова Виктория Валерьевна. Это была женщина за пятьдесят, с каким-то сложносочиненным лицом, по которому было видно, что она человек не простой, но какой именно – решительно не разобрать.

Лет двадцать назад она мощно дебютировала в профессии, постановив неожиданно грамотный приговор по большому хозяйственному делу. С тех пор она уже не роняла марку, прославив компетентным и строгим специалистом. У нее была репутация крутого судьи, не скупающегося на сроки для своих подопечных. Виктория Валерьевна давно сидела на уголовных делах, специализировалась, в основном, на должностных преступлениях, сама взяток не брала и взяточников на дух не переносила. Скорее, она проявила бы милосердие к уличным хулиганам, чем к этим зажавшимся сволочам, которые хапали не от того, что недоедали, а из ненасытной алчности, для которой, то айфон устарел, то Испания, как дачный массив, вышла из моды. Выдать по первому разу максимальное наказание было для нее в порядке вещей. Ночью же она спала безмятежным сном ребенка.

В быту Виктория Валерьевна была одинокой матерью, поднявшей на ноги дочь, такую же одинокую, как и она. Потенциальный зять с судимостью был отвергнут ею с порога, без права на объяснения и апелляции. Лишь обожаемая внучка напоминала о нем теперь. Проживая в своем женском мирке, со временем, она начала недолюбливать мужчин вообще, уже независимо от содержимого их послужного списка: женатых – за то, что счастливые, разведенных – за то, что непорядочные; судимых – за то, что преступники, несудимых – за то, что пронырливые и до сих пор не попались; красивых – потому, что женоподобные, некрасивых – за то,

что квазимоды; мальчишек – за то, что обижают девочек и стреляют из рогатки, юношей – за то, что кроме секса ни о чем не помышляют, а что б дальше не продолжать: все мужики – коз-лы!

А кроме того, подступающая старость, с ее брюзжанием и вечным недовольством, соединилась с грозными полномочиями федерального судьи, превратив ее в непреступную правоприменительную глыбу.

Верила Виктория Валерьевна в силу Закона, светлое будущее России и в хорошую пенсию после выхода в отставку. А больше не верила ни во что. Словом, была цельной личностью, не сулившей преступникам ничего утешительного.

К счастью, Евгений Иванович всего этого не знал и с затаенной надеждой ловил каждую интонацию, каждый невесомый флюид, исходящий от судьи. Тщетно пытался он уловить, как же она к нему относится, что постановит в итоге? Все было скрыто за непроницаемой судейской мантией и светло-серым, ничего не выражающим взглядом.

Поведение Виктории Валерьевны также не проясняло ситуацию. Пару раз, за время процесса, она на пустом месте довольно резко одернула Евгения Ивановича. В то же время, и прокурору от нее периодически доставалось. Настрой ее был непонятен, что было для него скорее хорошо, так как по факту сэкономило ему драгоценные нервы. Ничего утешительного для себя он бы с нее не считал.

А как же сама Валерия Викторовна относилась к Евгению

Ивановичу? Ответ простой – никак. Впечатления на нее он не произвел никакого: обычный преступник, тюфяк и идиот. Идиот, потому что попался на ерунде, а схлопочет теперь по полной. Тюфяк... потому что тюфяк и есть: смазливый, изнеженный, ни внутреннего стержня, ни характера. Даже фамилия имя и отчество были у него какими-то мягкими, прилизанными. Не было в них ни рычания, ни шипения. Прямо, иисусик какой-то. В процессе он словно стеснялся, что занимает собой часть пространства и заставляет уважаемых людей заниматься его делом. Короче, пустое место, господин никто.

Тот факт, что Евгений Иванович признал вину, хоть и был отнесен законом к смягчающим обстоятельствам, Викторию Валерьевну не впечатлил. Слишком хорошо знала она цену этим признаниям, сделанным не из раскаяния, а по необходимости, когда другого выбора не было.

Вот такому человеку предстояло решить участь Евгения Ивановича, стукнув деревянным молотком по его судьбе.

Имей я сейчас возможность что-то посоветовать ему, я бы не нашелся что сказать, чем умазлись строгого арбитра. Ну, разве что, сделать сальто через скамью подсудимых...

Ничто, похоже, не шло ему в зачет в этом суде. Увы.

Евгений Иванович пришел в суд на последнее заседание по своему делу: Что-то сегодня будет? На входе он столкнулся со следователем.

– А, Евгений Иваныч! Все судитесь?

– Сужусь, сегодня приговор.

– Что-то вы без вещей? Решили в тюрьму налегке поехать?

Ничего не ответив, Евгений Иванович зашел внутрь. Пройдя на второй этаж, он направился в кабинет к секретарям, доложить о явке. Секретарь Маша приветливо кивнула ему:

– Евгений Иванович! Явились? Хорошо, ждите, скоро начнем.

Евгений Иванович обратил внимание на молодого мощника судьи – нескладного парня, копошащегося в бумажной горе, периодически тыча пальцем в компьютерную клавиатуру. Вдруг, взгляд его привлек маленький портрет Сталина, выглядывающий из-за монитора. В другой раз он посмеялся бы про себя: И этот туда же, сопля зеленая! Им хоть в школе-то сейчас рассказывают, кто это такой?

У самого Евгения Ивановича, в кабинете, тоже стоял небольшой портрет генералиссимуса. Как и все нынче, он был государственным и часто вздыхал о порядке, которого не стало в стране.

Удивительное дело! Неужели он и ему подобные... неужели они действительно хотят возвращения порядка? Ведь этот самый порядок, будучи учрежденным, в тот же день сметет их всех в небытие поганой метлой. Нет, конечно, не хотят. А Сталин... Сталин мертв. И этим мил, и лицо его усатое этим симпатично.

Но, в этот раз, портрет Вождя показался ему неожиданно строгим. Словно он, неммым указом, может воскресить архаичное советское правосудие. Позвать ушедших судей, чтобы они вновь заняли свои строгие стулья с высокими спинками. И ветхий прокурор, с грозными звездами в петлицах, снова станет молодым, поднимется на трибуну с колосистым гербом и произнесет свою железную речь, назовет все своими именами и потребует справедливого и сурового наказания – высшую меру социальной защиты, расстрел.

Но нет, их дух больше не живет в судейских залах. Их тяжелые шаги больше не разносятся по гулким коридорам. Лепнина с острыми серпами скрылась за панелями из пластика. Гуманизм, больше похожий на безразличие, поселился в этих стенах. И теперь прокурор с урезанными полномочиями суетливо бегаёт из кабинета в кабинет, а судья, оторвавшись от экрана смартфона, вяло читает приговор, определяя очередному мздоимцу скудное наказание.

Секретарь Маша выглянула из-за двери зала:

– Евгений Иванович! Заходите, мы начинаем.

– Подсудимому предоставляется последнее слово. Слушаем вас.

– Уважаемый суд! Я полностью признаю свою вину и искренне раскаиваюсь в том, какую жизнь вел ранее, искренне раскаиваюсь в преступлении, за которое меня задержали. Но в том, что я сделал после задержания, а точнее, чего не сделал, я не раскаиваюсь. Извините...

– А что такого вы сделали после задержания? – спросил с удивлением прокурор, немного даже приподнявшись со стула.

– Товарищ прокурор! На последнем слове перебивать нельзя. Присядьте! Продолжайте, мы вас слушаем.

– Да, собственно, у меня все.

– Суд удаляется в совещательную комнату для постановления приговора. Можете подождать в коридорчике.

Все вышли из зала. Прокурор быстро собрался и ушел, не намереваясь ждать оглашения приговора. Адвокат виновато спросил, нужен ли он здесь до конца. Нужен он не был, поэтому тоже поспешно исчез. Евгений Иванович остался один.

– Сколько ждать, не знаете? – обратился он к Маше.

– Часика через два подходите. Раньше не будет.

– Мне как, может, за вещами пока сходить?

– Не знаю, что присудит... ответила Маша, при этом, едва заметно, кивнула головой.

Евгений Иванович никуда не пошел. Покидать эти стены без ответа на главный вопрос не было сил. Вещи... да передадут уж, как-нибудь.

О чем размышляла Виктория Валерьевна, оставшись наедине с приговором, пересказывать, вроде бы, не положено. Тайна совещательной комнаты распространяется и на мысли судей. Но, в интересах повествования, я, пожалуй, нарушу это незыблемое правило.

К тому моменту, когда дверь совещательной комнаты закрылась за ней, а участники процесса разбрелись в ожидании ее решения, приговор давно уже был готов. Из наказания, определенного Евгению Ивановичу, тоже не стану делать интриги: пять лет с отбыванием в колонии строгого режима. Так-то, вот! До сегодняшнего дня, там значился еще и штраф. Сейчас же у судьи просто выдалось свободное время, чтобы поделаться свои дела, ничем не отвлекаясь на вполне законных основаниях.

Однако сегодня, у Виктории Валерьевны произошло два события, которые могли, так или иначе, повлиять на постановленный ею приговор. Первое, крайне неприятное, произошло утром, по дороге на работу.

Как у всех порядочных людей, у Виктории Валерьевны была машина – новенький корейский кроссовер серебристого цвета. Но вот само вождение так и осталось для нее вещью в себе. Водительское мастерство быстро освоила ее дочь, Ирина, которая теперь и подвозила ее на работу, уверенно, а иногда и нагло, управляя маминым автомобилем. Сегодня утром, они как обычно ехали вдвоем. Впереди, еле двигая колесами, медленно плелся какой-то грузовичок, который никак не удавалось объехать.

– Ир, да обгони ты его уже. Я так на работу до вечера не попаду!

Лихим маневром, дочура обошла грузовичок по встречке, вызвав у Виктории Валерьевны явное родительское одобре-

ние. Но единственным благодарным зрителем, наблюдавшим этот маневр, оказался инспектор ДПС, как назло, скучавший неподалеку. Взмах полосатого жезла прервал движение вперед. Дамы прижались к бордюру и остановились. Навстречу подошедшему гаишнику Ирина опустила стекло:

– Федеральный судья, Орлова Виктория Валерьевна! – гордо отрекомендовалась мама с пассажирского сидения, протянув раскрытое служебное удостоверение.

– Инспектор ДПС, старший лейтенант такой-то. Госпожа водитель, а ваши документики можно увидеть?

– По моему, я вам представилась. Я федеральный судья! – не унималась мама.

– Виктория Валерьевна, к вам претензий нет. Вы транспортным средством не управляли и вас я не задерживаю. А вот за пересечение двойной сплошной для водителя предусмотрена административная ответственность. Вам, думаю, не нужно объяснять?

Взяв документы дочери, инспектор стал их изучать.

– Может, как-нибудь решим? – робко спросила Ирина.

– Ну что же вы, Ирина Петровна! В присутствии федерального судьи такое предлагаете... Давайте так: я этого не слышал. В служебный автомобиль пройдите...

– Спасибо мама! Помогла! Кто тебя просил своим удостоверение размахивать! Будем теперь полгода пешком ходить по твоей милости.

Саму Викторию Валерьевну эта перспектива не пугала:

поездки на такси не пробили бы дыру в ее бюджете. Но вот дочь, которая весь день на колесах, возит внучку... да, с ней получилось очень неудобно.

Досада на собственное бессилие, от которого Виктория Валерьевна давно успела отвыкнуть, сменилась жгучей ненавистью к взяточникам вообще. Удивительно, но принципиальный инспектор выбесил больше, чем все махровые взяточники вместе взятые: Как же, не взял! Знаю я вас! Не покажи я удостоверение, все бы на месте решили.

Надо ли говорить, что этот, в общем-то, посторонний эпизод, не прибавил Евгению Ивановичу шансов на благополучный исход дела.

Вторым событием был визит следователя, состоявшийся в обед. Викторию Валерьевну в принципе раздражали визиты этих людей. Самоуверенные и наглые, они являлись, когда хотели, словно независимость суда была пустым звуком. Прокурор такого себе не позволял! Всякий раз огромных усилий стоило ей не послать их куда подальше.

Следователь зашел по делу Евгения Ивановича и начал изливать пространные жалобы на то, как тяжело им добывать доказательства, как не досыпают они ночей, пытаясь изобличить негодяев, и как больно и обидно им, когда схваченных с таким трудом мздоимцев отпускают на условный срок. А они, уверившись в безнаказанности, продолжают брать взятки с новой силой (судимость он, почему-то, не считал препятствием для дальнейшей работы на государственных

должностях).

Виктория Валерьевна слушала его и никак не могла взять в толк, зачем он пришел. Она и без него была крута на руку, назначая наказания коррупционерам. Есть Уголовный Кодекс, есть судебная практика, в конце концов. Никто и не собирается отпускать этого Евгения Ивановича на свободу. Что за бред? Пять лет из шести возможных, разве этого недостаточно?

– А чего вы так взъелись на него? Он же, вроде, все признал...

– Да скотина он, Виктория Валерьевна, форменная свинья! Мы его просили про начальство рассказать, так он ни в какую. Уперся как баран!

Так вот оно что! Евгений Иванович отказался от сотрудничества... Да ладно! Быть не может! Этот бледнозадый сибарит, любитель сладкой жизни... Неужели прокислый запах нар не сподвиг его сдать всех? Эта информация колом встала в сознании судьи, не укладывалась ни в какие рамки: Да он, и в процессе-то, заискивает перед всеми так, что аж тошно. Мать родную продаст, чтобы не сесть. И этот слизняк вам отказал? Да, Евгений Иванович, удивил, ничего не скажешь. Не сдал, стало быть. Молодец. Что ж, этот подвиг тебе зачтется, но только не на этом суде. А у меня в процессе, уж извини, другой эпизод рассматривается. ...Ладно, дам наказание без штрафа. А в остальном – не взыщи.

Не сказать, что случай этот был уникальным для Викто-

рии Валерьевны. Чего только не повидала она за свою судебскую практику. В основном, конечно, валили вину, переводили стрелки, наплевав и на дружбу, и даже на родство. Намного реже, попадались и тертые калачи. В тюрьму шли, а друзей не сдавали. Но вот Евгений Иванович... Какой из него тертый калач? Человек-то он, вроде, неплохой, явной антипатии не вызывает... Дальнейшие размышления в этом духе могли бы привести бог знает к чему. Но Виктория Валерьевна давно для себя постановила: принимая решение вооружиться законом, а эмоции оставлять за порогом суда, благо и оставлять там было особо нечего. Да и можно ли осуждать ее за это? Как травматолог, кромсающий покалеченную жизнь, как кусок говядины, она, со временем, утратила способность видеть человека в подсудимом. Лишь больной член травмированного общества, который необходимо отсечь, поместить в карантин.

Стукачи, в которые отказался подаваться Евгений Иванович, были для нее абстракцией, не связанной ни с какими личными переживаниями. Ее дед в Белоруссии не партизанил... Тем не менее, едва заметная заноза воткнулась в ее обычную уверенность, своим тончайшим острием поколебала выработанную годами решимость.

Через два часа с небольшим, Маша пригласила Евгения Ивановича на оглашение. В пустом зале собрались трое: судья, подсудимый и секретарь, образовав собой невиданный треугольник, сумма углов которого, вопреки всем законам

математики, равнялась пяти.

В зал тихо вошел судебный пристав с наручниками за поясом. Но сложившейся геометрии он не нарушил, встав, словно каменное изваяние, как памятник стремительно заканчивающейся свободе.

– Именем Российской Федерации!

Такой-то суд, в таком-то составе, сего числа... Слушая свою историю, написанную сухими протокольными формулировками, Евгений Иванович еще раз пережил все это, еще раз вспомнил все.

Виктория Валерьевна на автомате читала приговор, содержание которого знала почти наизусть. При этом, краем глаза (удивительная способность женского зрения!), она рассматривала лежавший на столе документ с необычно крупным угловым штампом, на котором, как и положено, красовался герб с двуглавым орлом. Посередине, на щите, Георгий Победоносец пронзал копьем змея. Кого он пронзает? – подумала она: Это ведь аллегория. Дьявола? Зло? Воплощенный грех? Прямо в голову ему засадил... Интересно, а зачем ему вообще копьё? Много ли геройства победить, когда у тебя есть оружие! А ты пойдя, попробуй духом своим одолеть. Выйди с голыми руками! Победи святостью! Под эти странные рассуждения, чтение приговора приблизилось к концу.

– ... На основании статьи триста третьей, триста четвертой, статей триста седьмой – триста десятой УПК РФ, суд приговорил...

В этот момент Евгению Ивановичу показалось, что само время остановилось. Неизвестность приготовилась снять перед ним маску и показать, наконец, свое лицо: то ли свирепое, как несвобода, то ли равнодушное, как казенное снисхождение.

– ...Признать Максимова Евгения Ивановича виновным в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи двести девяностой УК РФ и назначить ему наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет, с отбыванием в коло...

На этом месте, судья вдруг закашлялась.

– Маша, выключи сплитсистему! – сдавленно сказала она секретарю.

Какое-то время, Виктория Валерьевна прокашливалась, сопя и утирая нос платком. Не знаю, читала ли она в этот момент Отче наш. Едва ли. Возможно, кто-то другой читал, мысленно подходя к слову Аминь. У судей же, скорее всего, свои молитвы, и обращены они совсем к другим инстанциям... Да и заминка вышла слишком уж короткой. Но взяв снова приговор в руки и глядя уже мимо строк, она постановила: «...и назначить ему наказание с применением статьи семьдесят третьей УК РФ. Назначенное наказание считать условным с испытательным сроком пять лет...», а про себя добавила: «Ничего, следовательно, переживешь. И я объяснюсь, если надо будет».

Маша с удивлением посмотрела на начальницу. Судебный

пристав, с наручниками за поясом, беззвучно покинул зал.

– Судебное заседание объявляется закрытым.

Каков смысл этого пятилетнего испытания, не известно. И так, ежу понятно, больше на скамье подсудимых Евгений Иванович не окажется.

Выйдя из суда, наш герой отправился в свою новую жизнь, пусть и подкрашенную теперь серыми тонами, но, избавленную, хотя бы, от заборов с колючей проволокой. Его приговор обжаловать никто не стал.

Судьба, получается, опять проявила к нему благосклонность. Был виноват, получил свое. Единственный вопрос, которым он задавался: почему среди сонма жуликов и воров попался именно он? Или бог разлюбил его? Можно сказать: всех когда-нибудь поймают. Но, глядя на здание суда, Евгений Иванович пожал плечами: нет, не пропустят эти стены через себя всех негодяев, и за двести лет не осият.

Механистичная система, не имеющая лица, установила для жизни неисполнимые правила. И теперь, как ленивый, дремлющий кот, следит в полглаза за суетящимися гражданами, убеждая их в своей неповоротливости и близорукости. Но, в час, известный ей одной, она молниеносно взмахнет когтистой лапой, зацепит ею случайного нарушителя и уже не отпустит, не переварив в своем каменном желудке, переломает его судьбу и отрыгнет вовне, окутанного едкой слизью под названием судимость, от которой не отмыться вовек.

Так состоялось отпущение грехов Евгения Иванович от

людей.

Иногда, обращаясь по этому же вопросу к высшим инстанциям, он надеется, что и там ему отпустят этот грех. В конце концов, детей он не насиловал, бабушек не травил, метро с людьми не взрывал. А главное, он не совершил, наверное, самый большой грех в своей жизни. Увернулся в последний момент, разошелся по касательной.

Но, в глубине души, не верит Евгений Иванович ни в бога, ни в черта, ни в модернизацию в России.

Да это и не важно. Важно, чтобы бог верил в него.

Жизнь, однако, продолжается.